
Часть

ЗАМУЖ
ХОЧУ!

Глава 1

Танька

— Эх, знали бы вы, как я мечтала выйти замуж уже с четырех лет! Спросите, почему? Потому что бабка моя, когда я чего-то хотела, давала мне подзатыльник и ворчала: «Вот замуж выйдешь, тогда и будешь хотеть!» Так что сами понимаете! А когда подросла немного, то мечтала не просто выйти замуж, а непременно за геолога! Уж если не за дядю Яшу, то хоть за какого-нибудь! Потому что если было в жизни что-то хорошее, интересное, это всегда было связано с геологами. Я должна объяснить? Ладно, слушайте!

Я выросла в поселке со странным названием Кусьё-Александровский Горнозаводского района Пермской области, на реке Чусовой, на улице Углежжения. Знаете, что это такое? Там раньше жили углежогги. Правда, когда я родилась, никаких углежогов уже и в помине не было. Сам поселок стоял на одной стороне реки, а наша улица располагалась на другой. За ней начинался лес, в лесу даже медведи встречались, а уж грибов... Дома на улице Углежже-

ния были деревенские, крепкие, с крытыми дворами, а поленицы складывали за воротами, никто дров не воровал, некому вроде... Да и домов — раз два и обчелся, некоторые и вовсе заколоченные стояли. Детей на улице двое было, я да Женька, на три года меня старше, он со мной водиться не желал, все норовил за речку, к большим ребятам бегать. Теперь-то, кое-что в жизни повидав, понимаю я, что убожество в поселке жуткое было — пятиэтажки сраные, пылюга, не то что на нашей улице, а тогда казалось: за речкой настоящая жизнь. Правда, бабка говорила: за речку пойдешь, я тебе такую трепку задам, до свадьбы не заживет... Рука у бабки тяжелая была и слово она свое всегда держала.

Вообще, бабка моя суровая была женщина, да и некогда ей было со мной лялькаться, на ней одной какое хозяйство держалось, люди просто диву давались! Две коровы, козы, куры, гуси, овцы, огород и даже пасека небольшая, а еще лошадь по кличке Жиган... И со всем этим бабка управлялась в одиночку. Родители мои на Север подались, за длинным рублем. Я с ранней весны до поздней осени одна гоняла по улице, домой только поесть забегала, а уж материлась, как последний забулдыга. Мне лет пять, наверное, было, когда приехали геологи, они один из двух наших домов, родителей моих, сняли. Вы спросите, мы богатые были? Нет, мы из кулаков... Бабка моя кулацкая дочка, с Украины они в Пермскую область как раскулаченные попали, а колхозов там,

почитай, и не было, кругом одни лагеря... Ну, к тому времени, когда я родилась, лагерей уж поменьше стало, людям некоторое послабление вышло, вот бабка моя и завела хозяйство, душеньку свою кулацкую потешить, как папка мой говаривал.

Умела работать старуха, ничего не скажешь. Я тоже работать умею, только сельское хозяйство не по мне. Я в детстве мечтала геологом стать, да вот жизнь по-другому распорядилась. Так о чем это я? Ах да, о геологах... Приехала к нам в поселок геологическая партия из Москвы. Наверное, к нам и раньше геологи приезжали, только я-то не помню. Было их человек десять, наверное, да, точно, семь мужиков и три женщины. Вот говорят, любви все возрасты покорны. Точно! Уж на что я сопливка была, а сразу влюбилась! В главного ихнего, дядю Яшу... Начальник партии, так он назывался. Он красивый был, или мне казалось? Но таких я раньше никогда не видела. Волосы черные, борода темно-рыжая, а глаза голубые! И разговаривал он негромко так, даже ругался, не повышая голоса, даже матерился. У него это красиво получалось.

Только он на меня внимания не обращал почти, так, иногда, мимоходом, по голове погладит или конфетку сунет, и все. А вот шофера больше всех со мной возились, как сейчас помню, одного Толькой звали, другого Витькой. Хорошие парни были, добрые. Женщины мной куда меньше занимались. Одна, повариха, целый день крутилась, ей некогда

было, другая, пожилая, профессорша, все книжки читала, а третья в маршруты ходила с мужиками. Хотя нет, там еще одна женщина была, ее тоже Таней звали, как меня. Неприятная, злая, все норвила пожаловаться на кого-нибудь дяде Яше. Ее не любили все, помню, я как-то на речке услышала, она одному из шоферов жаловалась на повариху: «Нет, ты подумай, целую кастрюлю макарон собакам скормила! Разве ж это нормально?» А Толька отвечает: «А чего? У нас уж с этих макарон сердце болит, а собакам все одно жрать надо!»

Я забыла, у них еще две собаки было. Одна нормальная, большая, уши торчком, хвост пушистый, а вторая... Я таких тогда ни разу еще не видела: черная, голая, морда узкая, с рыжими подпалинами, хвоста, считай, нету, так, обрубочек. Я этого пса боялась до ужаса, одна женщина на Углежжения все его чертякой звала, но он добрый вообще-то оказался. Марсом все его звали, как сейчас помню, а порода называлась «доберман», это я уж потом, когда в городе жила, узнала.

Геологи все на целый день в маршрут уходили, в доме только шофера оставались да повариха, ну и профессорша. Повариха тоже городская была, они с профессоршей целыми часами, бывало, разговаривали — и все о непонятном. А шофера от скуки со мной возились, мыли меня — я чумазая вечно бежала, бабке-то некогда, — причесывали, а Витька мне книжки с картинками показывал, картинки, правда,

все какие-то некрасивые. А один раз дядя Яша с Толькой куда-то на газике уехали, два дня их не было, а когда вернулись, дядя Яша мне целый кулек конфет привез и несколько книжек, настоящих, детских, с красивыми картинками, а Толька — заколочки для волос с божьими коровками... Вот радости было! Тогда я дядю Яшу еще больше полюбила...

Это какой же год был, наверное, семьдесят третий... Я знаете, как его любила? Я при нем раздетая ходить стеснялась, а вообще по улице в одних трусах гоняла, материться тоже стеснялась, он мне один раз сказал: «Таня, нехорошо, когда девочка так ругается, неприлично это, понимаешь? Ты уже большая, красивая, а рот откроешь, уши заткнуть хочется! Обещай, что больше не будешь». А я и не понимала, что ругаюсь, у нас на Углежжения почти все так говорили, а уж Женька и вовсе. Бабка, правда, когда слышала, подзатыльник давала, но ей же все некогда было, а когда дядя Яша сказал, что нехорошо это, я стала задумываться, не хотелось мне его огорчать... Но ведь еще поди разберись, какое слово ругательное, а какое нет, но мне шофера объяснили. Они, правда, и сами через слово матюгались, но при мне стесняться начали. Одним словом, мы друг на друга положительно влияли, понимаете?

А еще профессорша там любовь с Толькой крутила, хотя, наверное, в матери ему годилась. Он хороший был, красивый, ласковый... Я один раз их вечером в огороде застала, прям между грядками, за

этим самым делом. Но я не удивилась, я это сколько раз у скотины видала, но все ж таки профессорша, важная такая, между грядками с шофером... Малая была, а прочухала, что лучше не смотреть, когда люди... И никому про это не сказала. А один раз видала, как повариха с Витькой в лес пошли, и так спешили, так спешили... Я сразу просекла, зачем идут, ясно, не за грибами, корзину не взяли, а одеялко старенькое прихватили... Вот такие были мои университеты! — засмеялась Таня, красивая, холерная женщина лет тридцати пяти.

Мы познакомились накануне в автобусе, который вез нас из аэропорта в Анталии к отелю. Я приехала в Турцию отдохнуть после очередной книги, она тоже была одна, и мы сразу прониклись друг к другу симпатией, несмотря на большую разницу в возрасте. Я сразу почувствовала, что Тане необходимо кому-то рассказать свою историю, хотя она ничего пока не знала о моей профессии.

Сколько раз я сталкивалась с тем, что женщины, узнав, что я пишу книги, загорались желанием поведать писательнице о своей жизни. «Вот я вам расскажу про себя, целый роман получится!» — говорили они. Но далеко не из всякой, даже насыщенной трагедиями жизни может получиться роман, по крайней мере, у меня. И я чувствую это почти сразу. Но тут я мгновенно наострила уши, а уж когда услышала про университеты маленькой Таньки из поселка Кузьё-Александровский, у меня и вовсе дух захватило,

особенно учитывая ее внешность успешной бизнес-леди или жены предпринимателя.

Дело в том, что это я была той самой поварихой, что уходила в лес с шофером Витькой, и прекрасно помнила маленькую матерщинницу, но не подозревала о любви этой девчонки к начальнику нашей партии, моему старому другу Яше, который уже много лет живет в Израиле... Чудны дела твои, Господи! Но я не стала ничего говорить, я затаилась в ожидании интересного рассказа, ведь если даже сама история Таньки не разбудит мое профессиональное воображение, то какие-то детали, словечки, ситуации могут сослужить хорошую службу. Иной раз одно слово может оказаться толчком к написанию романа...

Я прекрасно знала всех персонажей и прекрасно помнила улицу Углежжения, крепкий дом Танькиной бабки, саму бабку и ее шанежки с черемухой, и собак, одна из которых была моя, та «нормальная, с ушами торчком». Вторая принадлежала Яше, мы с ним и познакомились на «собачьей почве», выгуливая наших псов на Екатерининском бульваре в центре Москвы, и до сих пор дружим, несмотря на разделяющее нас расстояние...

Но говорить об этом Тане я пока не считала нужным, мне хотелось услышать ее историю, так сказать, в незамутненном виде.

— А что же дальше?

— Дальше? Дальше уехали в конце сентября геологи, стало холодно, скучно, я целыми днями

слонялась по улице и все тосковала по дяде Яше. Книжки, которые он подарил, до дыр зачитала, хотя нет, я тогда еще читать не умела... Это на другой год дядя Яша жену свою с сыном в экспедицию взял. Ох, как я расстроилась сначала! А потом ничего, привыкла, и жена дяди Яши, тетя Ира, научила меня читать. Она хорошая была, даже платьев мне из Москвы привезла и потом еще сарафанчик сшила, говорила, что в шесть лет уже нельзя голой бегать.

А в партии у дяди Яши все другие люди были. И повариха, и шофера... Эти почему-то на меня внимания не обращали, целыми днями, помню, в карты резались... А тетя Настя, новая повариха, пожилая женщина, все норовила меня к чистке грибов приспособить, но куда там, я это ненавидела! Грибов море было, она не справлялась, бабке даже жаловалась... А я нарочно тогда палец порезала, кровяшка хлестала, я ревела, все на тетю Настю кричали, разве можно ребенку нож давать... Короче, никто больше меня не заставлял грибы чистить, но я с тех пор поняла — иногда, чтобы поставить на своем, надо и пострадать, и приврать, и притвориться... Ох, да что я вам все про ерунду рассказываю... Хотя, не ерунда это, а первая любовь. Я всегда говорю: моя первая любовь — дядя Яша...

А еще, помню, в дождливые дни, когда геологи в маршруты не ходили, они сидели в горнице за столом и разбирали образцы, камешки какие-то, раковины, а названия у них мудреные, и не выгово-

ришь, а еще красивые слова были: «силур», «девон»! Помню, я спросила у дяди Славы, геолога, что такое «силур», он что-то начал объяснять про третью снизу систему палеозойской эры... А дядя Яша так мягко ему сказал: «Славка, это ж ребенок, мать твою, что ты ей лекцию читаешь? Таня, когда вырастешь, можешь стать геологом, а пока не забивай себе голову всякой чепухой, лучше книжки читай, научишься хорошо читать, сама все узнаешь и про «силур», и про «девон»! Знаете, как на меня подействовало? Я в три дня читать научилась, а раньше отлынивала, тетя Ира уж на меня рукой было махнула, а тут только диву давалась... Я такая, если чего захочу, если засвербит у меня, всего добьюсь, но только надо, чтоб мне интересно стало, понимаете?»

— И что ж вы, в три дня читать научились и сразу кинулись узнавать, что такое силур?»

— Да нет, я как научилась читать, про все забыла, от детских книжек оторваться не могла, особенно мне «Чук и Гек» нравились, ведь у них папа геолог был. А еще Павлик, сын дяди Яши, со мной арифметикой занимался и говорил, что я способная, все схватываю на лету. Это правда, я тогда все на лету схватывала — и хорошее, и плохое. Помню, Женька однажды меня подбил у тети Насти масла сливочного стырить и сгущенки... У него в лесу шалаш был, вот я туда и принесла и масло, и сгущенку, а Женька две буханки хлеба притаранил. Мы с ним так объелись, что еле до Углежжения доползли, а там уж